

Vilatte S. L'Antiquité grecque dans le théâtre de la République directoriale: les régimes politiques // La République directoriale. T. 2. Clermont-Ferrand: Presses universitaires Blaise-Pascal, 1998.

Walton Ch. Charles IX and the French Revolution: Law, Vengeance, and the Revolutionary Uses of History // European Review of History. 1997. N° 2.

Yon J.-Cl. Offenbach l'inclassable : la question des genres // La scène bâtarde, des Lumières au romantisme. Clermont-Ferrand: Presses universitaires Blaise-Pascal, 2004.

Bourdin Ph. Theatre and Revolution: an open scene for historiography

Despite of many various works devoted to the theatre at the time of the French Revolution, we have no yet a comprehensive study of the theatre audience of that time. This audience was composed by numerous groups of amateurs of dramatic art belonging to various social strata. The Revolution caused some considerable changes in theatrical performances, administration of theatrical companies, repertoires, decoration and the life of the actors. The outstanding characteristic of the theatre world at this time was its politicization. Revolutionary authorities used the dramatic art to defend and advocate a new regime not only in France but also in Europe, especially in Italy.

Keywords: history, the French Revolution, theatre, dramatic art.

ИСТОРИОГРАФИЯ

*У. Дойл**

ВСЁ ЕЩЕ В ТЕНИ БЁРКА И ДИККЕНСА? СОВРЕМЕННАЯ БРИТАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Автор статьи дает общий обзор развития британской историографии Французской революции XVIII в. за четверть века, прошедшие после 200-летнего юбилея этого события. Оценивая достижения соотечественников в развитии этого направления исторических исследований, он особо выделяет такую специфическую черту британских ученых, как приверженность эмпиризму. В отличие от американских и французских коллег, англичане оказались гораздо менее восприимчивы к модным веяниям в историографии, вызванным к жизни «лингвистическим поворотом». Для британского историка по-прежнему важнее знать то, как произошло то или иное событие в прошлом, нежели то, как воспринимали его современники.

Ключевые слова: историография, Великобритания, Французская революция XVIII в., эмпиризм.

Англоязычная историография Французской революции за те 25 лет, что предшествовали двухвековому юбилею этого события, отличалась ожесточенными спорами практически по всем аспектам. Публикация в 1964 г. книги «Социальная интерпретация Французской революции» Альфреда Коббена¹ породила новое поколение исследований и трактовок – направление, вскоре названное «ревизионистским», которое бросило вызов большинству устоявшихся идей, доминировавших в историографии Революции со времен Жореса и Матьева. Потребовалось некоторое время, прежде чем эти дебаты вызвали интерес и во Франции, однако в Великобритании и в Америке они сделали изучение Революции одной из самых увлекательных областей исторического знания.

* Уильям Дойл, почетный профессор Бристольского университета (Великобритания).

¹ Cobban A. The Social Interpretation of the French Revolution. Cambridge, 1964. New ed. with introd. by Gwynne Lewis -1999.

Тем не менее, историк, добившийся наибольшего успеха среди всего того потока англоязычных сочинений, которым в 1989 г. ознаменовался 200-летний юбилей Революции, отнюдь не участвовал в спорах ученых предыдущего поколения. Саймон Шама проводил свои исследования на соискание докторской степени в Кембридже, хотя и по периоду Французской революции, но в основном по истории голландской Республики, а не самой Франции. И после публикации в 1978 г. расширенной версии своей диссертации продолжал писать на голландскую тематику. Однако за несколько лет до 200-летнего юбилея ему заказали обобщающую работу по Революции, которая появилась в июле 1989 г. С момента выхода эта книга² мгновенно стала бестселлером. Она называлась «Граждане», имела тщательно продуманное оформление и, судя по подзаголовку «Хроники Французской революции», предполагала отказ от каких-либо общих интерпретаций, ограничиваясь простым нарративом, рассчитанным на широкого читателя. Несомненно, это довольно подробное повествование: из 875 страниц надо прочесть 332, чтобы добраться только до созыва Генеральных штатов. Правда, количество проданных экземпляров показывает, что читателям такой подход понравился. Несмотря на внешнюю простоту, всё повествование подчинено определенной концепции, опирающейся на те представления о Французской революции, которые уже есть у англоязычной аудитории. У Шамы Революция – это движение, которому имманентно свойственны жестокость и террор. Наибольшую известность получила такая фраза из его книги: «1794 год был точно таким же, как 1789-й, но лишь с большим количеством трупов». Мысль, которую еще во время Революции высказал англоязычным читателям Эдмунд Бёрк, позднее развил и увековечил в художественной форме Чарльз Диккенс, а затем вновь с удовольствием для себя открыли Англия Маргарет Тэтчер и Америка Рональда Рейгана, состояла в том, что всякая революция – это опасная ошибка, неизменно влекущая за собой потоки крови и насилия, и что мирная эволюция по-англосаксонски гораздо предпочтительнее. Вспомним, что Тэтчер, прибыв в Париж на празднование 200-летия Революции, подарила Франсуа Миттерану «Повесть о двух городах» Диккенса...

В англоязычном мире всегда удивляются, когда узнают, что знаменитая книга Шамы не переведена на французский язык. А зачем? Хроника событий Революции французам и так хорошо известна. А в части интерпретации книга не сильно отличается от трактовки Франсуа Фюре, который тоже считал, что террор с самого начала был предопределен

² *Schama S. Citizens. A Chronicle of the French Revolution. L., 1989.*

логикой Революции. И даже вывод Шамы о том, что террор сам по себе неотъемлемая часть Революции, вполне соответствовал еще более давней французской историографической традиции, восходящей к Маттезу, согласно которому, истинная Революция закончилась вместе с Террором, ибо после этого прекратилось какое-либо ее существенное развитие. Впрочем, имелась и вполне объективная причина, почему историю Революции Шама закончил Термидором: книга должна была появиться строго в 1989 г., но, работая над ней, автор не уложился в срок. Это действительно так. Отсюда и несбалансированность текста. Тем не менее, закончить именно Термидором было вполне логично, учитывая ту центральную роль, которая отведена Террору в версии автора.

Случай с Шамой заставляет меня сделать некоторые оговорки относительно содержания моей статьи. Я собираюсь сделать обзор именно британской историографии Революции, а не англоязычной вообще. Однако не подлежит сомнению то, что в наши дни большинство англоязычных авторов, пишущих на эту тему, – американцы. Шама – англичанин, но он провел большую часть своей научной карьеры в Америке. Так же, как и многие другие, в том числе Кит Бейкер или Джонатан Израэль, которые написали свои наиболее значительные труды, работая в американских учреждениях. Можем ли мы считать их творчество частью британской историографии? Методология Бейкера в его многочисленных и важных работах³ и Израэля в его недавней большой книге о революционных идеях⁴ связана скорее с американскими традициями, нежели с британскими. Центральное место в этих трудах занимают идеи и язык в их историческом развитии, что полностью соответствует тем веяниям, которые мы сегодня определяем как «лингвистический поворот» или даже «культурный перелом» в исторических исследованиях. Для британской же историографии характерно обилие более традиционных категорий экономического и социального анализа, эпистемологические недостатки которого были выявлены учеными ревизионистской волны накануне 200-летнего юбилея. Американцы (и даже французы!) оказались гораздо лучше британцев – во всяком случае, тех, кто остался по эту сторону Атлантики – подготовлены к тому, чтобы принять подобный возврат к проблематике, ранее являвшейся предметом интеллектуальной истории или истории идей. Можно вспомнить знаменитое изречение о том, что Великобритания и Америка – это две страны, разделенные об-

³ См., например: *Baker K. M. Inventing the French Revolution. Cambridge, 1990.*

⁴ *Israel J. Revolutionary Ideas. An intellectual history of the French Revolution from the Rights of Man to Robespierre. Princeton, 2014.*

щим языком. А уж что говорить о британцах, которые публиковали свои исследования на французском языке? Здесь, прежде всего, вспоминается Родни Дж. Дин, чьи пространные труды по истории конституционной церкви расширяют наши знания и меняют наши представления о теме, столь долго находившейся в небрежении⁵.

Несмотря на господствующее положение интеллектуальной истории за океаном, стоит, тем не менее, отметить и два важных вклада в нее британских исследователей. В 2001 г. Мариса Линтон выпустила книгу о добродетели и политике Франции эпохи Просвещения⁶, а ранее написала серию статей об идее добродетели во время Революции. Самая известная доктрина добродетели, конечно, принадлежит Робеспьеру; и он, и его идеи занимают центральное место в последней книге Линтон, вышедшей в 2013 г.⁷ Там она показала, как представления революционных политиков о добродетели привели их к принесению в жертву террору даже своих самых близких друзей.

Еще более значительный вклад в историографию вносят исследования Саймона Бёрроуза⁸, который посвятил множество книг переоценке роли литературного андеграунда дореволюционной Франции - среде, около пятидесяти лет назад исследованной впервые американцем Робертом Дарнтоном (который, впрочем, защищал диссертацию в Оксфорде) и освещенной в бесчисленном множестве других работ. Многие американские историки пошли по его стопам, утверждая, что монархия Старого порядка была подорвана, а, по мнению некоторых, даже десакрализована, целым рядом порнографических пасквилей. Не сомневаюсь, что им было очень интересно в ходе исследований читать эти сочинения. Однако важный вклад Бёрроуза состоит в демонстрации того, что большинство пасквилей, о которых идет речь, появилось на свет не до Революции, а уже после 1789 г., то есть после введения свободы прессы. Еще удивительнее то, что он смог доказать: некоторые из наиболее цитируемых пасквилей так и остались неизданными, а французское правительство платило авторам, находившимся в изгнании в Англии, за то, чтобы их не публиковать. Тем не менее, после 1989 г. историки культуры с энтузиазмом восприняли идею, что падение Людовика XVI и Марии-Ан-

⁵ Dean R. J. *L'Eglise constitutionnelle, Napoléon et le Concordat de 1801*. P., 2004; *Idem*. *L'Abbé Grégoire et l'Eglise constitutionnelle après la terreur 1794-1797*. P., 2008; *Idem*. *L'Assemblée constituante et la réforme ecclésiastique, 1790*. P., 2014.

⁶ Linton M. *The Politics of Virtue in Enlightenment France*. Basingstoke, 2001.

⁷ Linton M. *Choosing Terror. Virtue, Friendship, and Authenticity in the French Revolution*. Oxford, 2013.

⁸ Burrows S. *Blackmail, Scandal and Revolution. London's French libellistes, 1758-92*. Manchester, 2006.

туанетты объясняется внезапным появлением всех этих пасквилей. Достижение Бёрроуза состоит в том, что он разрушил основу этой историографической традиции, установив в ходе тщательных исследований, что и когда именно было опубликовано. Благодаря ему оказалось, что целое поколение историков культуры шло в неправильном направлении и, значит, их исследования поверхностны.

Этот фундаментальный вклад в историю идей, пусть и негативный, обусловлен одной из наиболее характерных черт методологии британских интеллектуалов, а именно - эмпиризмом. Отвернувшись от доминирующих интерпретационных схем, британцы в гораздо большей степени, чем американцы и, осмелюсь сказать, чем французы, пытаются выяснить, что собственно происходило, и найти заслуживающие внимания факты, а не задаются более общими интерпретационными вопросами. Именно это я сам попытался сделать в 1996 г., изучая вопрос купли-продажи должностей. Этот аспект был краеугольным камнем концепции А. Коббена, согласно которой Революция была начата классом чиновников, пришедшем в полный упадок⁹. Изучая эволюцию рынка должностей на протяжении XVIII в. и процесса революционного упразднения системы их купли-продажи, я показал недостаточность эмпирической базы, на которую опирался Коббен, сделавший упор лишь на одну из реформ, проведенных в жизнь Революцией.

Другой пример – книга Майкла Раппорта об обращении с иностранцами в революционной Франции¹⁰. Стоит лишь сравнить ее с работой «Невозможный гражданин» Софи Ваниш¹¹, опубликованной во Франции тремя годами ранее, чтобы понять специфику его подхода. Тема исследования Ваниш – иностранец в дискурсе Революции, в то время как Раппорт в большей степени занимается личным опытом иностранцев. Ставить на первый план личности, а не идеи - это очень британский подход, и самым известным представителем его служит, без сомнения, Ричард Кобб, скончавшийся семь лет спустя после 200-летнего юбилея Революции. Однако его ученики, как, например, Алан Форрест, десять лет возглавлявший Международную комиссию по истории Французской революции, все еще играют ведущие роли в этой сфере исторических исследований.

⁹ Doyle W. *Venality. The Sale of Offices in Eighteenth century France*. Oxford, 1996.

¹⁰ Rapport M. *Nationality and Citizenship in revolutionary France. The Treatment of Foreigners, 1789-1799*. Oxford, 2000.

¹¹ Wahnich S. *L'impossible citoyen: l'étranger dans le discours de la Révolution française*. P., 2010.

Другой ученик Кобба, Джон Хардмен, наглядно демонстрирует еще одну характерную черту британской историографии, обусловленную предпочтением фактов перед идеями, а именно – интерес к биографиям. Прежде всего – биографиям коронованных особ, всегда привлекающих внимание читателей. Дж. Хардмен, чья первая книга стала справочником по политическим структурам дореволюционного режима Людовика XVI¹², затем издал целых две биографии этого короля¹³, не говоря уже о недавней книге, посвященной Собранию нотаблей¹⁴. Во всех своих работах этот автор выражает почти не скрываемую симпатию к королю и сожаление о гибели Старого порядка, о котором он, нужно заметить, рассказывает гораздо убедительнее, чем о собственно о Революции.

Монро Прайс тоже испытывает некоторую симпатию к загнанному в угол королю, но стремится изложить точные обстоятельства бегства в Варенн и его последствия. Обнаружив множество ранее неизвестных документов, касающихся барона Бретейя, Прайс выяснил, какой план действий был предусмотрен в случае успешного побега, и подчеркнул, как мало надежды возлагалось на примирение монархии и Революции¹⁵.

Совсем недавно Амброджо Кайани (он, правда, итальянец, но выросший в Англии) продемонстрировал, насколько разрушение прежних структур и крах двора в 1789-1791 годах деморализовали короля и способствовали возникновению плана побега¹⁶.

Всё это работы исследователей-эрудитов, однако внимание широкой публики привлекла, прежде всего, книга «Мария-Антуанетта» Антонии Фрейзер¹⁷. Фрейзер заслужила высокую репутацию в качестве биографа исторических личностей нового и новейшего времени, и мужчин, и женщин, но прежде всего все таки женщин. Хотя она и ее исследовательский коллектив не привнесли ничего особо нового в историю жизни Марии-Антуанетты, они, однако, и не упустили из виду ничего заслуживающего внимания, создав лучшее жизнеописание этой королевы на английском языке.

Лишена новизны и биография Робеспьера, написанная Рут Скарр¹⁸. Заметим, между прочим, что Хардмен также выпустил биографию Ро-

¹² *Hardman J.* French Politics, 1774-1789. From the Accession of Louis XVI to the Fall of the Bastille. L., 1995.

¹³ *Hardman J.* Louis XVI. New Haven, 1993; *Idem.* Louis XVI. The Silent King. L., 2000.

¹⁴ *Hardman J.* Overture to Revolution. The 1787 Assembly of Notables and the Crisis of France's Old Regime. Oxford, 2010.

¹⁵ *Price M.* The Fall of the French Monarchy. Louis XVI, Marie Antoinette and the Baron de Breteuil. Basingstoke, 2002.

¹⁶ *Caiani A.* Louis XVI and the French Revolution, 1789-1792. Cambridge, 2012.

¹⁷ *Fraser A.* Marie Antoinette. The Journey. L., 2001.

¹⁸ *Scurr R.* Fatal Purity. Robespierre and the French Revolution. L., 2006.

беспьера, не слишком, впрочем, убедительную¹⁹. А вот биография Скарр, хотя она отнюдь и не специалист по Революции, напротив, неплохо удалась. Скарр все прочла и постаралась, по ее собственному утверждению, статью, насколько это возможно, другом Неподкупного. Не пытаюсь оправдать его апологетику террора, она все же постаралась ее понять. Таким образом, Скарр пошла по пути, проложенному в 1975 г. Норманом Хэмпсоном, чья весьма оригинальная книга²⁰, хоть и была переведена на французский язык, осталась почти не замеченной во Франции. Хэмпсон (сверстник Кобба, тоже скончавшийся уже после 200-летия Революции, в 2011 г.) нашел у Робеспьера, по крайней мере, «потенциальную гуманность», хотя и не заметил ничего подобного у героя другой написанной им биографии – у Сен-Жюста²¹.

Вероятно, самое оригинальное биографическое исследование из недавно появившихся – это жизнеописание супругов Ролан, вышедшее из-под пера Шан Рейнольдс²². Ранее она была известна, прежде всего, как переводчица: именно Рейнольдс перевела на английский язык книгу Ф. Броделя «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II». В своей работе «Брак и Революция» Рейнольдс сделала акцент на отношениях между супругами, которые оба были революционными деятелями и которых обычно изучали по отдельности, причем, в весьма неравной степени. Это позволило ей осветить не только публичную роль двух своих персонажей, но и общий культурный контекст революционной эпохи, в которую они поженились и вели супружескую жизнь. Так же, как «Мария-Антуанетта» Фрейзер, исследование жизни мадам Ролан, выполненное Рейнольдс, подтверждает предположение историков о том, что политическая культура Революции была в высшей степени враждебна любой общественной роли, которую играли женщины.

Удивительно, что за четверть века после 200-летнего юбилея в Великобритании не появилось какой-либо общей истории Революции, которая могла бы бросить вызов истории Шамы (или даже моей!). Зато вышли более узкие обзорные работы, например, история Революции в Аквитании А. Форреста и его же исследование о продолжительной напряженности в отношениях между Парижем и провинцией²³.

¹⁹ *Hardman J.* Robespierre. L., 2000.

²⁰ *Hampson N.* The Life and Opinions of Maximilien Robespierre. L., 1975.

²¹ *Hampson N.* Saint-Just. Oxford, 1991.

²² *Reynolds S.* Marriage and Revolution. Monsieur and Madame Roland. Oxford, 2005.

²³ *Forrest A.* The Revolution in Provincial France. Aquitaine, 1789-1799. Oxford, 1996; *Idem.* Paris, the Provinces and the French Revolution. L., 2004.

Форрест написал также важную работу о солдатах периода Революции²⁴.

В своей последней книге Н. Хэмпсон проанализировал отношение французов-революционеров к коварному Альбиону²⁵. Я сам изучал истоки, развитие и последующую судьбу кампании, которая велась против дворянства²⁶. А Малькольм Крук по-новому взглянул на историю выборов в течение всего революционного десятилетия и пришел к выводу, что участие избирателей было гораздо более широким, чем думали ранее, и что, благодаря этой вовлеченности, сложилась традиция представительства, во всяком случае, среди элит, которые осуществили ни много ни мало социально-политическую революцию – приход к власти нотаблей. Таким образом, Крук подтвердил основополагающее значение ежегодных выборов периода Директории²⁷.

В целом, после 200-летия Революции мы стали свидетелями возрождения международного интереса к пост-термидорианскому периоду. Если Шама его совсем не коснулся, то мне самому этот период всегда казался полностью органичным для Революции, и я посчитал нужным посвятить ему треть моей «Оксфордской истории»²⁸. Другие мои соотечественники тоже попытались вернуть ему его значимость. Среди них Джеймс Ливси, который утверждает, что, несмотря на все свои недостатки, период Директории, принимая во внимание всю многогранность и размах шедших тогда теоретических дискуссий о необходимых условиях формирования и сохранения республиканских и демократических ценностей, породил ни много ни мало европейскую модель республиканской демократии, противоположную англо-американской²⁹.

Впрочем, большинство этих идей было отвергнуто наиболее радикальным персонажем периода Директории – Гракхом Бабёфом. Он никогда не был хорошо известен по ту сторону Ла-Манша, но в 1997 г. Йен Бирчал попытался исправить ситуацию своим весьма полезным исследованием о «призраке» этого первого революционного социалиста³⁰. Объ-

²⁴ Forrest A. *Soldiers of the French Revolution*. Durham, 1990.

²⁵ Hampson N. *The Perfidy of Albion. French Perceptions of England during the French Revolution*. Basingstoke, 1998.

²⁶ Doyle W. *Aristocracy and its Enemies in the Age of Revolution*. Oxford, 2009.

²⁷ Crook M. *Elections in the French Revolution. An Apprenticeship in Democracy, 1789-1799*. Cambridge, 1996.

²⁸ Doyle W. *The Oxford History of the French Revolution*. Oxford, 1989; 2nd ed. 2002.

²⁹ Livesey J. *Making Democracy in the French Revolution*. Cambridge (Mass.), 2001.

³⁰ Birchall I.H. *The Spectre of Babeuf*. Basingstoke, 1997.

явив во всеуслышание о собственной принадлежности к Социалистической рабочей партии и призывая своих читателей к революции, автор, без сомнения, мог этим многих из них лишь оттолкнуть; но для англофонов, которые интересуются столь заметным в истории социализма деятелем, как Бабёф, Бирчал предложил краткое, но увлекательное введение в тему.

Радикализму Бабёфа предшествовал радикализм клуба Кордельеров, ставший предметом исследования Рэчел Хэммерсли, которая показала, чем члены этого политического клуба были обязаны английским республиканским сочинениям XVII в.³¹ Ее книга, увидевшая свет в серии Королевского исторического общества, где публикуются наиболее выдающиеся университетские диссертации, появилась через несколько лет после первого исследования Дэвида Эндерса, наиболее плодотворного из английских историков Революции, начавших свою деятельность уже после ее 200-летнего юбилея. Ученик А. Форреста, Эндрес защитил диссертацию о расстреле 1791 г. на Марсовом поле, которая была опубликована в 2000 г.³² В ней он отверг модную односторонность приверженцев «лингвистического поворота», обратив внимание на все более немодную тему парижского народа и на то, как материальные обстоятельства обусловили враждебность народа к монархии, кульминацией чего стала республиканская петиция от 17 июля 1791 г. и последовавшее за ней столкновение на Марсовом поле. Эндрес не отвергает полностью лингвистический подход, но оценивает его немного свысока, как «не лишенный достоинств». И хотя сам Эндрес посвящает немало страниц риторике петиционеров, а также тех, кто позднее говорил о расстреле как преступлении, заслуживающем возмездия, он остается вполне эмпирическим британским исследователем, настаивая на том, что язык является следствием реальности, а не наоборот. Судя по всему, его выбор темы происходит, как ранее у французских историков левого толка, из инстинктивной симпатии к жизни и чаяниям простого народа. Его рассказ об истоках столкновения на Марсовом поле опирается на подробный анализ мнений столичных жителей о политической жизни весны 1791 г. и тех ее сторонах, которые их отталкивали.

За этой книгой о конкретном событии последовал более общая работа о Революции и народе, охватившая уже почти всю Францию, а не только Париж, и период с 1780 по 1799 г.³³ Основными действующими

³¹ Hammersley R. *French Revolutionaries and English Republicans. The Cordeliers Club, 1790-1794*. Woodbridge, 2005.

³² Andress D. *Massacre at the Champ de Mars. Popular Dissent and Political Culture in the French Revolution*. Woodbridge, 2000.

³³ Andress D. *The French Revolution and the People*. L., 2004.

лицами исследования стали крестьяне, наиболее многочисленная часть населения. И здесь в глаза бросается симпатия автора к простым людям. Это - история предательства элитой народа, от имени которого она говорила. Но, в конечном счете, это также - прославление побед, которых крестьянство смогло добиться собственными силами и которые благодаря своей решимости сохранило, – побед над сменяющимися друг друга правительствами и особенно (отметим это!) над республиканским правительством якобинцев 1793-1794 гг., которые, цитирую, «наиболее свирепо использовали ресурсы государства против народа».

Всего год спустя Эндрес издал, несомненно, лучшую на английском языке книгу о Терроре³⁴. И вновь в ней видна симпатия к простым людям, ставшим жертвами Революции с обеих сторон баррикад. Для Эндреса Террор – это не столько развитие репрессий, сколько один из аспектов гражданской войны. Никто его не предвидел. Террор – «результат процесса, а не его predetermined цель». Таким образом, Эндрес в определенном смысле принимает «концепцию обстоятельств», столь дорогую многим историкам левого толка. И он всерьез воспринимает довод, что террор был реакцией против отнюдь не иллюзорной контрреволюционной деятельности. Однако автор отвергает всякую мысль о том, что террор был неотъемлемой частью Революции с самого ее начала, как потому что, согласно Шаме, революция и насилие неразделимы, так и потому что, согласно Фюре, революционеры являются пленниками своей собственной политической риторики. В книге делается вывод, совсем непохожий на вывод Шамы, предупреждавшего об опасности и неразумности любой революции. Эндрес же сожалеет о неразумности наших современников, не слишком склонных защищать свои права от не-революционных правительств, использующих те же аргументы, что и деятели Террора 1793-1794 гг., изображая себя защитниками свободы и безопасности сограждан. Эндрес – безоговорочный сторонник прав человека, провозглашенных в 1789 г. Он считает, что они стоят страданий, связанных с борьбой в их защиту. Но удалось ли ему убедить британскую публику, которая смотрит телепрограммы Шамы об истории Великобритании, в то время как политические лидеры готовы отказаться от европейских конвенций о правах человека? Сегодня, как и в 1790 г., присущая британцам спесь никуда не делась, оправдывая отказ от свободы любого вида, если та идет с континента и, увы, особенно из Франции.

³⁴ *Andress D. The Terror. Civil War in the French Revolution. L., 2005.*

Список литературы

- Andress D. Massacre at the Champ de Mars. Popular Dissent and Political Culture in the French Revolution. Woodbridge: Boydell Press, 2000.*
Andress D. The French Revolution and the People. L.: Hambledon and London, 2004.
Andress D. The Terror. Civil War in the French Revolution. L.: Little, Brown, 2005.
Baker K. M. Inventing the French Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
Birchall I.H. The Spectre of Babeuf. Basingstoke: Macmillan, 1997.
Burrows S. Blackmail, Scandal and Revolution. London's French libellistes, 1758-92. Manchester: Manchester University Press, 2006.
Caiani A. Louis XVI and the French Revolution, 1789-1792. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
Cobban A. The Social Interpretation of the French Revolution. Cambridge, Cambridge: Cambridge University Press, 1964. New ed. with an introduction by Gwynne Lewis, 1999.
Crook M. Elections in the French Revolution. An Apprenticeship in Democracy, 1789-1799. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
Dean R. J. L'Abbé Grégoire et l'Eglise constitutionnelle après la terreur 1794-1797. P.: Rodney J. Dean, 2008.
Dean R. J. L'Assemblée constituante et la réforme ecclésiastique, 1790. P.: Picard, 2014.
Dean R. J. L'Eglise constitutionnelle, Napoléon et le Concordat de 1801. P.: Rodney J. Dean, 2004.
Doyle W. Aristocracy and its Enemies in the Age of Revolution. Oxford: Oxford University Press, 2009.
Doyle W. The Oxford History of the French Revolution. Oxford: Oxford University Press, 1989; 2nd ed. 2002.
Doyle W. Venality. The Sale of Offices in eighteenth century France. Oxford: Oxford University Press, 1996.
Forrest A. Paris, the Provinces and the French Revolution. L.: Arnold, 2004.
Forrest A. Soldiers of the French Revolution. Durham: NC, Duke University Press, 1990.
Forrest A. The Revolution in Provincial France. Aquitaine, 1789-1799. Oxford: Oxford University Press, 1996.
Fraser A. Marie Antoinette. The Journey. L.: Weidenfeld and Nicholson, 2001.

- Hammersley R.* French Revolutionaries and English Republicans. The Cordeliers Club, 1790-1794. Woodbridge: Boydell Press, 2005.
- Hampson N.* Saint-Just. Oxford: Blackwell, 1991.
- Hampson N.* The Life and Opinions of Maximilien Robespierre. L.: Duckworth, 1975.
- Hampson N.* The Perfidy of Albion. French Perceptions of England during the French Revolution. Basingstoke: Macmillan, 1998.
- Hardman J.* French Politics, 1774-1789. From the Accession of Louis XVI to the Fall of the Bastille. L.: Longman, 1995.
- Hardman J.* Louis XVI. New Haven: Yale University Press, 1993.
- Hardman J.* Louis XVI. The Silent King. L.: Arnold, 2000.
- Hardman J.* Overture to Revolution. The 1787 Assembly of Notables and the Crisis of France's Old Regime. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Hardman J.* Robespierre. L.: Routledge, 2000.
- Israel J.* Revolutionary Ideas. An intellectual history of the French Revolution from the Rights of Man to Robespierre. Princeton: Princeton University Press, 2014.
- Linton M.* Choosing Terror. Virtue, Friendship, and Authenticity in the French Revolution. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Linton M.* The Politics of Virtue in Enlightenment France. Basingstoke: Palgrave, 2001.
- Livesey J.* Making Democracy in the French Revolution. Cambridge (Mass.), 2001.
- Price M.* The Fall of the French Monarchy. Louis XVI, Marie Antoinette and the Baron de Breteuil. Basingstoke: Macmillan, 2002.
- Rapport M.* Nationality and Citizenship in revolutionary France. The Treatment of Foreigners, 1789-1799. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Reynolds S.* Marriage and Revolution. Monsieur and Madame Roland. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Schama S.* Citizens. A Chronicle of the French Revolution. L.: Penguin, 1989.
- Scurr R.* Fatal Purity. Robespierre and the French Revolution. L.: Chatto and Windus, 2006.
- Wahnich S.* L'impossible citoyen: l'étranger dans le discours de la Révolution française. P.: Editions Albin Michel, 2010.

***Doyle W.* Still in the shadow of Burke and Dickens? The recent British historiography of the French Revolution**

The author reviews the evolution of British historiography of the French Revolution during 25 years passed after the 200th anniversary of this event. Assessing the achievements of his compatriots in this field of historical research, he highlights such specific feature of British researchers as a commitment to empiricism. In contrast to the American and French colleagues, the British were much less susceptible to modish trends in historiography brought to life by the «the linguistic turn». For a British historian it is still more important to know how it happened in the past, rather than what contemporaries thought about it.

Keywords: historiography, the United Kingdom, the French Revolution, empiricism.